

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

В. З. Панфилов. *Взаимоотношение языка и мышления.* — М, изд-во «Наука», 1971 232 стр.

Книга В. З. Панфилова посвящена одной из центральных проблем теоретического языкознания — проблеме соотношения языка и мышления. Эта проблема в то же время является одной из «вечных» философско-языковых проблем. Как известно, соотношение вещи, мысли (смысла) и звука интересовало еще античных философов. В разные периоды развития знаний о языке, в разных школах и направлениях языкознания эта проблема то выдвигалась на первый план, то вообще снималась, получала различные решения — и остается до сих пор одной из основных проблем теории языка в современной лингвистике.

В подходе к этой проблеме общим для подавляющего большинства советских ученых, как это правильно отмечает В. З. Панфилов, является тезис о неразрывной связи, единстве языка и мышления. Однако точки зрения ученых значительно расходятся при раскрытии конкретного содержания этого тезиса, а также при конкретном освещении различных сторон данной проблемы.

Книга В. З. Панфилова развивает одну из точек зрения, существо которой можно кратко охарактеризовать словами самого автора: «Язык и мышление образуют такое диалектически противоречивое единство, в котором язык, при определяющей роли мышления, представляет собой относительно самостоятельное явление, в свою очередь оказывающее определенное обратное воздействие на мышление» (стр. 3).

В этой книге подведены итоги многолетней работы автора в области данной проблемы, обобщены и развиты взгляды, известные из его предыдущих работ, сформулированы некоторые новые положения и выводы. Монография состоит из «Введения», двух основных частей: «Язык и познание», «Грамматика и логика» и краткого «Заключения».

Концепция автора представляется хорошо продуманной и в целом аргументированной, однако в ряде моментов спорной. Думается, что идеи автора найдут как сторонников, так и оппонен-

тов, тем более, что позитивное изложение материала во многих местах сопровождается довольно острой полемикой с различными авторами. Полемическая заостренность отдельных мест работы обусловлена крайней сложностью и спорностью многих разбираемых вопросов. В монографии освещаются различные стороны общей проблемы языка и мышления. Правда, степень разработанности отдельных вопросов неодинакова.

Сложность проблемы взаимоотношения языка и мышления обусловлена прежде всего самой тесной связью языка и мышления. Процессы мышления, совершающегося в головах людей, не поддаются объективному наблюдению «в чистом виде». Мышление изучается прежде всего через язык (говоря точнее, через его применение, т. е. речь), который, по выражению В. З. Панфилова, является «средством осуществления и существования абстрактного, обобщенного мышления», а также по поведению людей и путем самонаблюдения. Поскольку на мышление по необходимости смотрят через язык, постольку мышление всегда предстает отлитым в те или иные языковые формы. Рассмотрение взаимоотношения двух явлений, одно из которых наблюдается только через призму другого, — задача исключительной теоретической сложности. Сложность этой задачи усугубляется тем, что исторические процессы возникновения и становления мышления и языка, в ходе которых складывалось единое, интернациональное по своему существу мышление и разнообразные национальные языки, также не могут быть непосредственно наблюдаемы и реконструируются на основе косвенных данных путем теоретических рассуждений. Оценка данных языков так называемых «первобытных» народов как непосредственно отражающих процессы генезиса языка ведет к ошибочным заключениям, поскольку и мышление, и язык этих народов представляют собой сложный продукт развития, длившегося сотни тысяч лет, и не отражают ранних этапов генезиса мышления и языка (хотя соответствующим

щие данные важны для изучения исторических процессов развития языка и мышления).

На примере развития систем счета и истории образования числительных в нивхском и других языках В. З. Панфилов убедительно показывает ошибочность заключений Л. Леви-Брюля об изначальности так называемого конкретного счета. Анализируя числительные разных систем в нивхском языке, автор заключает, что «при отличии соответствующих числительных этих систем друг от друга они имеют в своем составе общие собственно количественные обозначения...» и что «...есть все основания утверждать, что в прошлом в нивхском языке счет любых предметов велся при помощи одних и тех же числительных, каковыми являлись собственно количественные обозначения, что современный конкретный счет, т. е. счет при помощи отличающихся друг от друга соответственно характеру предметов счета числительных, возник как вторичное явление по отношению к этому первому счету, т. е. к счету при помощи собственно количественных обозначений» (стр. 32). Вывод автора можно подкрепить ссылкой на китайский язык, в котором так называемый предметный счет достиг в исторически непосредственно доступное наблюдению время. Письменные памятники китайского языка конца I тыс. до н. э. обнаруживают только абстрактные числительные, не осложненные показателями «предметного» счета.

Проблему генезиса мышления и языка В. З. Панфилов освещает на большом и разнообразном материале, опираясь на важнейшие положения философского материализма. Автор раскрывает известное марксистское положение о формировании человека (и соответственно его мышления и языка) в процессе труда, носящего всегда общественный характер (по выражению В. З. Панфилова: «н е п о с р е д с т в е н н о коллективный характер» или «о п о с р е д о в а н н о общественный характер» (стр. 25). Автор показывает в этой связи, что изготовление любого, даже самого примитивного орудия... могло иметь место только в том случае, если первобытный человек был уже способен предвидеть свои будущие трудовые действия, для выполнения которых было необходимо это орудие, следовательно, также установить те общие моменты, которые присущи отличающимся друг от друга трудовым актам, построенным на использовании этого орудия. Таким образом, акт изготовления орудия мог быть совершен только при наличии возможности отхода от непосредственного созерцания действительности» (стр. 27—28). Поскольку осознание результата труда есть проявление абстрагирующей деятельности ума, постольку представляется оправданной полемика

автора против положения о существовании в «чистом виде» особой чувственно-наглядной стадии развития мышления первобытного человека. По-видимому, о человеке и о человеческом мышлении можно говорить, только допуская существование у наших далеких предков хотя бы элементарных форм абстрактного, обобщенного отражения действительности.

Автор не отрицает наглядно-образной стороны в мышлении как первобытных людей, так и современного человека. Вопрос о месте и роли наглядно-образного аспекта в мышлении в целом решается автором убедительно. Анализируя проблему «соотношения языка (материальной языковой оболочки) с абстрактным содержанием мышления, с одной стороны, и с чувственно-образным, с другой...» (стр. 51), автор приходит к заключению, что «чувственно-наглядный образ представления, в отличие от понятия, не может быть передан непосредственно (разрядка наша.— В. С.) при помощи языка (слова) одним членом коллектива другому его члену» (там же). Чувственно-наглядные образы могут лишь сопровождать значения слов. Это утверждение подкрепляется далее интересным анализом так называемых «изобразительных» слов в ряде языков, которые, как показывает автор, несмотря на их специфику «возбуждения у собеседника конкретного чувственного образа»... (стр. 58), как и другие знаменательные слова, обладают функцией обобщения.

Нельзя не согласиться с автором в том, что для закрепления абстрактных форм отражения действительности, т. е. понятий, необходимы определенные материальные (звуковые) формы, т. е. язык, и что процесс становления собственно человеческого мышления не отделим от становления языка. Это полностью соответствует приводимому автором марксистскому положению о том, что язык так же древен, как и сознание.

Автор в этой связи далее пишет: «С позиций философского идеализма, отрицающего обусловленность мышления определенными материальными процессами, происходящими в головном мозгу, а также обусловленность и вторичность содержания нашего сознания по отношению к объективной действительности, связь сознания, мышления с языком также не рассматривается как необходимая. Хотя представители этой точки зрения и признают, что язык, действительно, используется в процессе мышления, но, по их мнению, связь между языком и мышлением не является органической и мышление может протекать и в чистом виде, без помощи языка» (стр. 16). Здесь автор делает отсылку к работе Ж. Вандриеса «Язык» (М., 1937, стр. 71). На соответствующей странице у Вандриеса читаем: «Конечно, совершенно верно, что

мы не выражаем звуками всех наших представлений. Размышление, например, не предполагает работы органов, производящих звуки, но размышление есть внутренняя речь, в которой фразы сцепляются, как и в речи произносимой. И каждая фраза размышления заключает в себе (в потенции) все артикуляции произносимой речи. Мысль продвигается, опираясь на звуки, даже если звуки и не произнесены... Дело психологов решить, в какой мере возможность фонетического осуществления необходима для внутренней речи. Эта необходимость основана, без сомнения, на привычке и не требуется самой природой. И далее: «Форма, которой мы пользуемся, закрепощает нашу мысль в такой степени, что последняя не имеет более самостоятельного существования, не может более отделиться от звуков, ее материализирующих, или же от возможности звуков, если материализация не осуществилась на самом деле» (стр. 71). Вандриес здесь затрагивает проблему внутренней речи, подчеркивая теснейшую связь внутреннего размышления со звуковой речью.

С моей точки зрения, философский идеализм прежде всего связан, как правильно отмечает В. З. Панфилов, с допущением мысли без мыслящего мозга и с отрицанием обусловленности и вторичности содержания сознания по отношению к объективной действительности. Что касается допущения возможности мыслительных процессов в голове без их внешнего выражения с помощью языка («мы не выражаем звуками всех наших представлений», «размышление... не предполагает работы органов» речи — Вандриес), то такое допущение может быть ложным, ошибочным, но оно само по себе не есть проявление философского идеализма. Наоборот, в рамках философского идеализма, допускающего существование мысли без мозга, возможно признание единства языка и мысли¹.

Как известно, некоторые советские исследователи допускают, по крайней мере на ранних этапах развития человечества, возможность сознательных мыслительных процессов в головах людей без их обязательного выражения в языке (до языка)². Дело специальных исследований решить, в какой мере и какие именно формы мышления могут протекать

в мозгу без непосредственной опоры на язык.

Наглядно-чувственные образы, как известно, могут существовать в мозгу без опоры на внешние звуки. Понятиям же, как обобщенным, лишенным наглядности отражением внешнего мира в головах людей, во вне соответствуют определенные звучания, или материальные знаки. Последние нужны, с одной стороны, для внешнего выражения понятий (с целью сообщения их другим), с другой стороны, для закрепления понятий в памяти человека. Звучания, или материальные знаки, сами не отражают внешнего мира; они используются при образовании и закреплении в мозгу понятий как отражений внешнего мира. Сами звуки как материальные предметы (знаки) не могут находиться в мозгу. В мозгу может быть только отображение звука, которое условной, но в высшей степени прочной связью связано с понятием, также существующем только в мозгу. Внешнее выражение понятия достигается путем образования с помощью органов речи определенного звучания, соответствующего этому понятию, которое в мозгу воспринимающего это звучание вызывает осознание такого же понятия, если у воспринимающего в голове имеется такое же понятие и оно связано условной связью с данным звучанием.

В противном случае для воспринимающего услышанный звук есть простой физический факт, а не знак языка.

Но если внешнее выражение понятий (с целью обмена информацией), очевидно, невозможно без опоры на звучания, то «хранение» понятий в памяти человека, по-видимому, осуществляется без внешнего выраженного звучания при «нулевой» артикуляции органов речи. По-видимому, понятие в мозгу человека прочно связано с отображением в мозгу соответствующего понятию звучания, которое и служит ему опорой при внутреннем размышлении. В этом, на мой взгляд, проявляется связь мышления и языка при внутреннем размышлении.

В связи с изложенным следует кратко остановиться на проблеме внутренней речи. В. З. Панфилов критикует утверждение А. И. Смирницкого о том, что внутренняя речь есть «такая форма, в которой реальные физические звучания «заменяются» их представлениями, их отображениями в сознании», называя его «уступкой Ф. Соссюру», «ибо это означает, что мышление может протекать без опоры на материальные языковые формы, и это утверждение не соответствует реальной природе внутренней речи» (стр. 62—63). Я не вижу, почему опора на отображения звуков в мозгу не есть опора на языковые формы. Это не реальные материальные языковые формы (реальные звучания), но их вполне реальные отображения, связанные с определенными

¹ Ср.: «Общее языкознание», М., 1970, стр. 373—374 (раздел «Проблемы взаимосвязи языка и мышления», написанный К. Г. Крушельницкой).

² См.: «Общее языкознание», стр. 30 и далее (раздел Б. А. Серебренникова «К проблеме сущности языка», в котором автор, анализируя проблему доязыкового мышления, отмечает, что «люди стали говорить друг с другом, обладая уже сравнительно развитым мышлением» — стр. 34).

биохимическими процессами в мозгу. Реальные материальные формы вообще не могут находиться в мозгу. В. З. Панфилов считает, что «процесс внутренней речи, мышление про себя, опирается на кинестетические раздражения, идущие от органов речи. При этом в процессе внутренней речи соответствующие артикуляции совершаются органами речи в скрытом виде, так, что обычно они остаются незаметными для наблюдателя и самого субъекта, но фиксируются соответствующими приборами во время опыта» (стр. 63).

Но кинестетические раздражения и скрытые микродвижения органов речи, если они действительно всегда присутствуют при работе сознания, видимо, с большой натяжкой могут быть охарактеризованы как материальные языковые формы, поскольку вообще работа органов речи — это процесс производства материальных языковых форм, а не они сами.

С другой стороны, действительно ли при работе сознания всегда и безусловно органы речи производят какую-то работу? Опытные данные, на которые ссылается В. З. Панфилов (результаты работ А. Н. Соколова), не вполне убеждают в этом. Хотя в приведенных высказываниях А. Н. Соколова, в частности, говорится, что «если бы даже можно было всегда внутренне видеть слова написанными или всегда внутренне слышать их, то зачаточная артикуляция все же имела бы место, хотя бы в порядке так называемого идеомоторного акта», однако ниже приводится другое место из работы А. Н. Соколова, где он говорит о «сокращении словесного выражения» при внутренней речи, о том, что «внутренняя речь становится, таким образом, высшим синтезом значений отдельных слов, превращаясь в язык семантических комплексов». Что, собственно, значит «язык семантических комплексов»? В работе это не раскрыто.

Нельзя отрицать, что многие внутренние мыслительные акты сопровождаются микродвижениями органов речи. Но вряд ли в настоящее время есть достаточно данных, чтобы утверждать, что любой акт сознания (работа мышления) всегда и во всех случаях сопровождается скрытой артикуляцией. Как, например, быть с фактом самооценки человеком содержания своей речи в момент говорения? Ведь в момент говорения органы речи заняты производством произносимых звуков. Разве факт осознания человеком того, что он говорит намеренную ложь (например, чтобы скрыть свои истинные мысли) не есть какая-то форма работы мышления? Что происходит с сознанием человека и работой органов речи, когда человек смотрит картину или слушает музыку? Если действительно любая деятельность создающего себя мышления обязательно сопровождается

микродвижениями органов речи, то надо полагать, что ни один человек при современном развитии техники не может скрыть своих мыслей от приборов и, следовательно, от наблюдающих за ним с помощью приборов людей. Но это, по-видимому, все же не так.

Полностью соглашаясь с В. З. Панфиловым в том, что язык действительно есть средство осуществления и существования абстрактного мышления, думаю все же, что вопрос о внутренней речи (о мышлении про себя) в освещении автора остается дискуссионным.

*

Разбирая вопрос о мышлении и типах языков, автор высказывает интересные соображения о типологических классификациях языков и правильно, на мой взгляд, отмечает, что «представленные в современных типологических исследованиях различные направления в конечном счете не исключают, а скорее могут дополнить друг друга ...» (стр. 70). Думаю, что такой широкий взгляд на задачи типологии справедлив. Автор отмечает, что исследования по установлению языковых универсалий во многом превосхищены типологическими исследованиями И. И. Мещанинова, что совершенно верно. Я хотел бы выразить здесь сомнение лишь по поводу утверждения автора о недостаточной убедительности положения И. И. Мещанинова о том, что «подлежащее, сказуемое, дополнение и определение являются общеязыковыми категориями». Автор ставит под вопрос наличие этих категорий в языках, «в которых отсутствует или слабо выражена морфологизация членов предложения» (стр. 75). Если считать, например, такие изолирующие языки, как китайский и вьетнамский, языками с отсутствием или слабой морфологизацией членов предложения, то эти языки достаточно четко обнаруживают в членении своих предложений все перечисленные категории. Если понимать под «членом предложения» функцию знаменательного слова в предложении, то я не вижу оснований сомневаться в возможности обнаружения этих категорий в любом языке.

Представляется совершенно правильным положение о том, что «нет достаточных оснований полагать, что представленные в существующих языках различные языковые типы обусловлены к а ч е с т в е н н ы м и различиями, различиями в типе мышления соответствующих народов» (стр. 82). В то же время недостаточно убедительным кажется утверждение о том, что «взаимоотношение мышления и языка носит более сложный и опосредованный характер в тех случаях, когда оно осуществляется посредством синтетических, и, в особенности,

синтетическо-фузионных и синтетическо-символических языков чем в тех случаях, когда средством его осуществления является язык аналитического типа» (стр. 83). Автор подтверждает это ссылкой на то, что в аналитически-агглютинативных языках³ «структура предложения в общем и целом будет в большей мере соответствовать структуре выражаемой в нем мысли, чем в языках синтетическо-фузионных и синтетическо-символических» (стр. 83). Последнее утверждение, хотя оно и подкреплено ссылкой на известного китайца А. А. Драгунова, представляется по крайней мере спорным. В любом китайском предложении одного и того же состава, как и в предложении русского языка, может осуществиться столько разных суждений, сколько в нем имеется знаменательных слов, могущих быть выделенными с помощью логического ударения (т. е. могущих стать выразителями логического предиката). Относительно твердый порядок слов в китайском и подобных ему языках, связанный с особенностями морфологического строения слова (невывраженность в словах отношений друг к другу), не позволяет в такой же мере, как в языках флективных, использовать изменение расположения слов для различного актуального (или, говоря словами В. З. Панфилова, — логико-грамматического) членения предложений. Однако то, чего нельзя сделать с помощью изменения порядка слов, всегда можно сделать с помощью интонации. Поэтому вряд ли правомерно считать, что, например, в китайском языке структура предложения больше соответствует структуре выраженной мысли, чем, например, в латинском или русском языках.

Английский язык как представитель германских (и шире — индоевропейских) языков за несколько столетий потерял почти всю свою флективность и стал аналитическим языком, сблизившись по синтаксическому строю с изолирующими языками. Значит ли это, что изменился характер его взаимоотношений с мышлением народа, говорящего на нем? Весь этот вопрос остается открытым для дискуссии.

Ряд интересных разработок и положений содержится в разделе, посвященном закону мышления и проблеме типов мышления. Автор заключает этот раздел правильным утверждением, что «говоря об общности формально-логи-

ческих законов мышления всех современных народов и в том числе „первобытных“, по-видимому, правомерно ставить вопрос о специфичности действия этих законов на разных ступенях развития человеческого мышления в связи с изменением сферы их функционирования» (стр. 112).

В разделе монографии, посвященном взаимоотношению грамматики и логики, разработан широкий круг проблем, центральной из которых является проблема логико-грамматического уровня предложения. Теория логико-грамматического членения предложения, восходящая к «актуальному членению» предложения В. Матезиуса, впервые была изложена автором в книге «Грамматика и логика» (М.—Л., 1963). В рецензируемой работе она получила дальнейшую разработку и развитие.

Существо этой теории состоит в том, что «предложение наряду с синтаксическим уровнем имеет еще особый уровень, обусловленный его актуальным членением. Поскольку на этом уровне предложения особыми грамматическими средствами выражается субъектно-предикатная структура соответствующей мысли, его в отличие от синтаксического уровня следует определить как логико-грамматический уровень, а логический субъект и предикат выражаемой мысли как логико-грамматический субъект и предикат» (стр. 162).

Обосновывая целесообразность выделения логико-грамматического уровня, В. З. Панфилов на материалах различных языков показывает, что актуальное членение предложения осуществляется целым набором формальных языковых средств — «специальными морфемами в некоторых языках, интонацией, порядком слов и пр.» (стр. 162). Синтаксический анализ по членам предложения, отмечает автор, не может объяснить назначения в предложении подобных средств. Но они получают объяснение на фоне введения понятия логико-грамматического уровня. Каждый из этих уровней, как пишет автор, характеризуется своими структурами: «если при анализе синтаксического уровня мы оперируем понятиями членов предложения и в том числе понятиями подлежащего и сказуемого, то на логико-грамматическом уровне в качестве компонентов его структуры выступают логико-грамматический субъект и предикат» (стр. 163).

Автор указывает, что «отношения членов актуального членения могут не только не соответствовать типу синтаксических отношений членов предложения, но и вступать с ними в явное противоречие» (стр. 163).

³ Я предпочел бы называть эти языки изолирующими по характеру их грамматического строя — невыраженность в словах отношений к другим словам. Элементы агглютинации, развившиеся, например, в китайском языке за последние столетия, не нарушают общего принципа изоляции и существуют в рамках изоляции.

Введение понятия логико-грамматического уровня представляет несомненный интерес во многих отношениях. В. З. Панфилов на материале различных языков показывает, что структурные особенности мысли находят выражение в языковом материале, и изменение структуры мысли (изменение актуального членения) обязательно сопровождается теми или иными изменениями их языкового выражения. Это хорошо иллюстрирует неразрывную взаимосвязь мыслительных процессов и средств их языкового выражения, т. е. языка.

С другой стороны, понятие логико-грамматического уровня позволяет выявить ассортимент формальных средств выражения актуального членения и определить их место в общем наборе грамматических средств языка. Особенности логико-грамматического членения предложения в конкретном языке ставятся в связь с типологическими чертами данного языка. Логико-грамматическое членение предложения углубляет и расширяет представления о строении предложения и тем самым способствует дальнейшей разработке теории предложения.

Некоторые неясности возникают в связи с термином «уровень». В разных местах книги автор говорит то о логико-грамматическом уровне языка (например, на стр. 219), то о соответствующем уровне предложения. Поскольку понятие уровня обычно применяется к характеристике строения языка, может быть, было бы целесообразнее применительно к предложению говорить о логико-грамматическом членении предложения и о соответствующем плане или пласте предложения.

В связи с решением центральной проблемы В. З. Панфилов ставит и предлагает решение многих связанных с ней вопросов, достаточно сложных самих по себе. Так, в связи с разграничением двух уровней предложения интересно ставится вопрос о разграничении категорий предикативности и сказуемости. «Сказуемость и предикативность представляют собой явления двух различных уровней предложения, именно соответственно синтаксического и логико-грамматического» (стр. 169). В этом плане уточнению подвергнуты также такие категории, как модальность и наклонение: «модальность и наклонение являются принципиально различными явлениями и разграничение между ними осуществляется в том же плане, что и между предикативностью и сказуемостью» (стр. 198).

В концепции логико-грамматического членения предложения, на мой взгляд, имеются звенья, недостаточно проясненные. К их числу относится вопрос о констатируемой автором так называемой перестройке предложения при изменении логико-грамматического членения предложения (стр. 226). Думается, что выражение «изменение логико-граммати-

ческого членения» может быть применено к грамматически (синтаксически) одному и тому же предложению, которое выступает как своего рода точка отсчета или определенный фон анализа логико-грамматического членения и его изменения. При сравнении различных в структурно-грамматическом отношении предложений (даже если они составлены из одних и тех же или почти одних и тех же слов и обладают смысловой близостью) теряется возможность говорить об изменении логико-грамматического членения предложения, поскольку в этом случае берутся разные предложения, каждое из которых обладает своим логико-грамматическим членением.

Так, в частности, примеры из китайского языка, заимствованные автором у А. А. Драгунова — *та кань чжунго бао* «он читает китайские газеты» и *та каньды ши чжунго бао* «читаемое им есть китайские газеты» (стр. 150) представляют собой, как пишет сам А. А. Драгунов, разные конструкции предложения⁴. Фактически здесь имеются совершенно различные грамматические типы предложений: первое — глагольное, второе — связочно-именное (по терминологии китайских грамматистов первое предложение — описывающее, второе — характеризующее).

В рамках первого предложения при помощи логического ударения, которое В. З. Панфилов совершенно верно определил как универсальное средство выражения логического предиката (стр. 136), можно, не меняя его синтаксической (грамматической) структуры, изменить логико-грамматическую структуру. Чтобы сделать «наиболее важным элементом в предложении» (А. А. Драгунов), например, *чжунго бао* «китайские газеты», не обязательно вместо этого предложения строить другое, где *чжунго бао* становится именной частью сказуемого. Это можно сделать с помощью интонации (кстати сказать, логико-грамматическое членение второго предложения также может быть изменено с помощью интонации). Если же в рамках данного предложения невозможно сделать какой-либо элемент «наиболее важным элементом в предложении», то в этом случае приходится говорить о невозможности изменения логико-грамматического членения предложения, т. е. о фиксированности этого членения в рамках одного и того же предложения.

В связи с этим и возникает вопрос о структурно-грамматическом тождестве предложений, разбираемых с точки зрения логико-грамматического членения. Неясно, являются ли структурно-грамматически тождественными предложения-

⁴ См.: А. А. Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка, М., 1952, стр. 104.

ми два разных с точки зрения логико-грамматического членения нивхских предложения: *Бтык п'рыуитлэ* «Отец, конечно, пришел» и *Бтык пауитлэ п'рыд'* «Пришел, конечно, отец». Автор говорит о них как об одном и том же предложении («если логический предикат в этом предложении будет выражен подлежащим, то глагольное сказуемое получит форму изъяснительного наклонения..., а после подлежащего будет поставлен вспомогательный глагол...» — стр. 174).

Отмечая, что синтаксически тождественные предложения могут обладать разным логико-грамматическим членением (стр. 225), автор в то же время, как уже говорилось, допускает возможность при изменении логико-грамматической структуры перестройки синтаксической структуры предложения и изменения форм слов, «выражающих члены предложения» (стр. 225). Последнее означает не что иное, как образование синтаксически другого предложения, не тождественного исходному. Ведь синтаксическая (т. е. структурно-грамматическая) тождественность предложения предполагает как тождество синтаксической структуры, так и тождество форм слов, «выражающих члены предложения». Но можно ли считать, что определенное логико-грамматическое членение какого-либо предложения есть результат изменения логико-грамматического членения синтаксически другого предложения?

Далее, представляется спорным утверждение автора о том, что для выделения членов предложения необходимы их морфологизация (об этом говорится в разных местах) и что «в функции подлежащего в русском языке может выступать только имя в именительном падеже» (стр. 271). В соответствии с этим, согласно автору, «нет никаких собственно языковых оснований для выделения подлежащего и сказуемого в тех типах предложения, в которых в настоящее время обычно выделяют так называемые неморфологизированные подлежащее и сказуемое; ... в такого рода предложениях выделяют лишь логические, точнее говоря логико-грамматические, субъект и предикат, но не подлежащее и сказуемое» (стр. 206). Согласно этой концепции, в предложениях типа *Стать художником — его заветная мечта* нет подлежащего и сказуемого, а есть только логико-грамматические субъект и предикат. То же самое следует, видимо, сказать и о предложениях типа *Курить вредно*. Отсюда, видимо, следует, что в этих предложениях нет синтаксического членения, а есть только логико-грамматическое членение, т. е. что в них есть только один «уровень».

Член предложения, как мне кажется, всегда представляет собой синтаксическую функцию класса слов (или ряда класса слов) в предложении, определяемую относительно функции другого класса (клас-

сов) слов. С этой точки зрения требование обязательной морфологизации членов предложения излишне. В любом предложении любого языка значительные слова выполняют определенные синтаксические функции и в этом смысле являются его членами.

Автор, по-видимому, прав, утверждая, что, например, подлежащие в предложениях разных типов в каком-либо языке не могут иметь полностью различных признаков или критериев (стр. 207). Очевидно, подлежащие в разных по типу предложениях должны иметь какое-то существенно общее свойство. Таким свойством, например, может быть обязательное раскрытие содержания подлежащего в сказуемом. Ср. распространенное положение, согласно которому подлежащее — это слово, о котором что-либо говорится в сказуемом, но не в предложении в целом! В критике последнего утверждения автор, с моей точки зрения, прав. Так, используя пример П. С. Попова, можно констатировать, что в предложении *В равнобедренном треугольнике углы при основании равны* в целом говорится о «равнобедренном треугольнике», а именно что в нем «углы при основании равны». Содержание же грамматического подлежащего *углы* раскрыто в сказуемом — в слове *равны*. Возможно, что специальные исследования могут выявить какой-либо другой более «грамматично» формулируемый общий критерий.

Наличие общего признака, однако, не исключает, а предполагает, что подлежащие в предложениях разного типа могут иметь свои наборы специфических признаков. Весь этот вопрос в целом, по-видимому, нуждается в специальном исследовании.

Следует отметить уточнение автором определения залога, в которое вводится характеристика синтаксической роли субъекта и объекта действия, выраженного в глаголе-сказуемом (стр. 211—212).

*

Автор неоднократно в разной связи касается вопроса о строении и структуре мысли. При этом высказываются интересные соображения. Достойно внимания, хотя и нуждается в дополнительном изучении, например, утверждение о том, что односоставные и двусоставные предложения, не имеющие актуального членения, «выражают какую-то иную форму мышления, которую можно было бы, например, назвать одночленом, а не суждением» (стр. 160). Автор полемизирует с точкой зрения некоторых логиков и языковедов, считающих, что «когда логический субъект или предикат выражаются группой знаменательных слов, каждое из этих понятий является составным» (стр. 7), т. е. представляет

собой сочетание ряда понятий. Согласно автору, логический субъект и предикат представляют собой каждый — одно понятие, которое не может состоять из ряда понятий, так же как слово не может состоять из ряда слов. Последнее утверждение в принципе не вызывает возражений. Что же касается отрицания возможности существования «составных понятий», которым соответствуют группы знаменательных слов, то здесь не все ясно.

Согласно автору, в предложении *Испуганная нами ворона взлетела на высокое дерево* выражается только два понятия, одно из которых является логическим субъектом, другое — логическим предикатом. С точки зрения двухкомпонентности строения суждения это бесспорно. Аналогично, в предложении *Ворона взлетела* также выражено два понятия, составляющих суждение. Очевидно, однако, что структура, объем и содержание понятия, выраженного словом *ворона*, отличается от структуры, объема и содержания понятия, выраженного группой слов *испуганная нами ворона*. Аналогия с грамматическим утверждением о том, что слово не состоит из слов, вряд ли может служить доказательством.

Невозможность составных понятий автор аргументирует тем, что допущение составных понятий «предполагает, что компонентами понятия как формы мыш-

ления являются те же понятия, и в то же время понятия являются компонентами другой, качественно отличной от него формы мышления — суждения» (стр. 7). Возникает вопрос, почему этого, собственно, не может быть? Ведь речь идет не об одном и том же понятии, которое одновременно есть компонент другого понятия и компонент суждения, а о том, что ряд понятий составляет новое составное понятие, которое в своей целостности выступает как компонент уже иной формы мысли — суждения. Этот вопрос также требует специального изучения и анализа.

Монография В. З. Панфилова освещает и затрагивает обширнейший круг очень сложных и спорных вопросов. Книга в целом представляет собой серьезный вклад в разработку сложнейшей научной проблемы, которую автор стремится последовательно решать с позиций философского материализма. По необходимости здесь рассматривалась лишь часть затронутых автором проблем, что далеко не исчерпывает всего богатого содержания книги. Многие предложенные автором разработки и решения, несомненно, войдут в научный обиход. Спорность освещения ряда проблем в работе толкает к размышлениям и будет способствовать дальнейшей их разработке.

В. М. Солнцева

W. L. Chafe. Meaning and the structure of language. Chicago—London, The University of Chicago Press, 1970. 359 стр.

Книга эта, по словам ее автора, была создана потому, что в течение многих лет он испытывал глубокую неудовлетворенность как всеми теми лингвистическими теориями, которые существовали раньше, так и теми, которые сейчас все еще находятся в ходу, потому что всем им якобы не удавалось рассматривать язык как систему, связывающую значение со звучанием или, точнее, им не удавалось прежде всего объяснить лингвистические факты. Все они не умели рассматривать как свою первую и самую важную задачу — сущность той связи между звуком и значением, которая создает язык.

С этой точки зрения особенно неудовлетворительным оказался йельский структурализм, который ориентировался полностью в семантическом направлении, т. е. ограничился, по существу, всецело только семантической стороной. Кроме того, преувеличенный эмпиризм структуралистов явился причиной естествен-

ного недоверия к каким-либо обобщениям, кроме наиболее «прозрачных» абстракций. Но и эти последние ограничивались только поверхностными структурами, которые по самой своей природе не способны раскрыть глубоких структур, или структур с е м а н т и ч е с к и х. А ведь последние очень часто существеннейшим образом отличаются от первых, причем тем фактором, который вызывает это расхождение или несовпадение, является языковое изменение, или то, что Чейф называет «идиоматизацией».

Глобальная задача лингвиста заключается в том, чтобы выяснить, каким путем примитивные «символизации», т. е. сигналы, подобные свистку или гудку, возвещающим полдень, или же круговому танцу пчелы со значением «рядом, близко нектар», постепенно превратились в человеческий язык в том виде, в каком мы его знаем. Чейф добавляет, что изменения эти происходили под давлением непрерывно развивающейся концептуальной стихии. Отсюда трудность, кото-